

Советское общество до и после июня 1941 года

А.А. Падерин

Статья посвящена анализу состояния советского общества накануне Великой Отечественной войны и в ее начале. Автор на основе значительного количества документальных источников, а также современной историографии войны показывает, как советское общество формировалось в годы социалистического строительства, каким оно встретило начавшуюся войну. С первых дней военного времени главной особенностью настроений подавляющего большинства граждан СССР, независимо от национальности, вероисповедания и политических взглядов, было сочетание глубокого патриотизма и ненависти к агрессорам.

Стремителен бег времени. Все дальше в историю уходят годы Великой Отечественной войны Советского Союза против нацистской Германии. Но пелена времени и смена поколений не застилают от обращенного в прошлое пристального взора человечества героизм и мужество, с которыми советский народ, презирая страх смерти, защищал Родину. С того памятного трагического дня, когда гитлеровские полчища вторглись на территорию СССР, прошло почти 70 лет. Однако не ослабевает, а, скорее, усиливается интерес наших соотечественников к тем суровым годам. Он объясняется не только чувством уважения к героическому прошлому своей страны, но и стремлением глубже понять истоки и корни современной политики руководства нашего государства.

Великая Отечественная война – главное событие семидесятилетнего советского периода российской истории. В то же время она вобрала в себя главный смысл и решила исход Второй мировой войны, так что ее правомерно рассматривать и как ключевое событие мировой истории XX века. Вот почему и шесть с половиной десятилетий спустя после своего завершения она остается в центре внимания общественной мысли, побуждает ученых, политиков, деятелей культуры к углубленным исследованиям и острым дискуссиям. Изучение трагического и героического опыта этой беспримерной в истории человечества войны – не уход в прошлое, а выход к самым актуальным проблемам современности. От того, как мы воспринимаем и понимаем ее

причины, ход, непосредственные итоги и отдаленные последствия, напрямую зависит наша, как принято сегодня говорить, самоидентификация, а, значит, и наша способность жить и творить свое будущее в современном мире.

За послевоенные десятилетия сильно поредели ряды фронтовиков, заметно поубавилось число прямых участников и свидетелей тех событий. На долю поколений, вступивших в жизнь уже в послевоенное время, выпали испытания если и несоизмеримые, то сопоставимые с ужасами войны, которую пришлось пережить отцам и дедам в далеких уже сороковых. Но вот парадокс: давняя война не только не ушла из памяти людей, но приобрела новую актуальность. Извлекаются неизвестные до сего времени не только широкой публике, но и науке архивные документы, обнародуются новые свидетельства, раскрываются роковые тайны, доступ к которым прежде был жестко заблокирован цензурными запретами и подписками о неразглашении. Военно-исторические исследования профессиональных и «альтернативных», самодеятельных авторов становятся бестселлерами, их поток по сей день не иссякает.

Общественный интерес к истории войны в значительной мере подогревается и публикацией военно-исторических исследований, осуществленных за рубежом. Их авторы воспринимают события той войны под другим углом зрения и опираются на другие источники – отсюда столь непривычные для нас трактовки и концепции. Под воздействием разнообразной,

обширной, к тому же нередко преподносимой весьма агрессивно информации в обществе зародилось и окрепло ощущение, что до сих пор мы настоящей правды о войне не знали. Нам внушают, что познание этой правды позволило бы нам, наконец, понять, кто мы есть, почему наша жизнь сложилась так, а не иначе, и какие перспективы сулит нам – стране и ее гражданам, – ближайшее и отдаленное будущее.

Новые представления о войне 1939–1945 гг. несут в себе, безусловно, позитивный смысл, обогащая нашу историческую память и развивая наше историческое самосознание. Вместе с тем они создают благоприятную почву для разного рода исторических спекуляций, которые нередко используются во враждебных нашему национальному самосознанию и Российскому государству целях. Духовные агрессии такого рода представляют вполне реальную опасность для российского общества, переживающего сейчас весьма непростой период. Вот почему в начале прошлого года Указом президента РФ была образована Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории.

Одним из направлений фальсификации отечественной истории является распространение искаженных представлений о советском обществе кануна и периода Великой Отечественной войны. Тема советского общества в войне 1941–1945 гг. достаточно широко освещается в отечественной литературе послевоенных десятилетий. В коллективных трудах, монографиях, статьях и брошюрах о войне, изданных до середины 1980-х годов, содержится немало глубоких и верных суждений, не утративших своего значения и в наше время. Ведущее место в них отводится теме народа-победителя, народа-героя, которому принадлежит главная заслуга в спасении страны и всего человечества от угрозы порабощения нацистскими агрессорами, их союзниками и сателлитами.

Вместе с тем тема народа-мученика, анализ негативных явлений в общественной жизни по существу сводились в работах тех лет к общим формулировкам. В частности, о том, что огромные жертвы во имя свободы и независимости Родины, неисчислимы лишения и страдания не были напрасными и увенчались полной победой над врагом. В тени оставались вопросы цены победы, сотрудничества с противником части населения на оккупированной территории и военнопленных, негативных настроений, возникавших временами в стране и армии. Эта ставшая официальной трактовка фактически лишала историков возможности критического, альтернативного исследования войны, научного познания ее итогов и уроков.

Несомненный шаг вперед в исследовании советского общества периода войны сделали авторы первого фундаментального 6-томного труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945», изданного в 1960-е годы. Они стремились исследовать войну

уже не только как ожесточенное вооруженное столкновение стран и народов, их коалиций. Война в их анализе предстала и как особое экстраординарное состояние общества, бескомпромиссное экономическое противоборство, жесткое дипломатическое и острейшее идеологическое противостояние. Она стала рассматриваться и как противоестественное общественное бытие.

Весьма обширный диапазон событий, явлений и процессов Великой Отечественной войны нашел отражение в академическом издании 1970–1980-х годов прошлого века – 12-томном труде «История второй мировой войны. 1939–1945». Авторы многотомника на основе официальной исторической концепции того периода осветили:

- идейно-политическое единство советского общества;
- особенности функционирования Государственного Комитета Обороны, других правительственных органов и учреждений, их опору на общественные организации;
- опыт и вытекающие из него уроки мобилизации всех сил страны на борьбу с врагом;
- перестройку жизни общества с мирного на военный лад.

К сожалению, в вышеназванной, да и в других работах того времени, многие подходы, мысли, отдельные формулировки превратились в непререкаемые постулаты. Они перекочевывали из одних публикаций в другие: о советском патриотизме, незыблемой дружбе народов, руководящей роли партии, превосходстве социалистической экономики, прочности советского общественного строя. При этом постепенно ослабевали критический анализ, научная доказательность, аргументация и, как следствие, снижались авторитет таких трудов и их эмоциональное воздействие на читателя.

С середины 1980-х гг. картина стала постепенно меняться, но, к сожалению, не во всем в лучшую сторону. Получили распространение взгляды, противоположные традиционным. В моду входили тенденциозный подбор фактов – главным образом, о военных неудачах и поражениях, сомнительные подсчеты людских потерь, обращение позитивного в негативное, настойчивые попытки принизить значение победы над фашизмом, умалить ее величие. Стало популярным ставить на одну доску агрессора и его жертву, затушевывая тем самым освободительный, антифашистский характер Великой Отечественной войны.

Зачастую анализ событий войны с усердием, достойным лучшего применения, подменялся перечислением пороков советской системы и критикой характера советского народа, одержавшего Великую Победу. В частности, по утверждениям представителей ревизионистского, как его порой называют сегодня, направления в современной отечественной исторической науке, в СССР не было общества, характеризующегося высокой активностью граждан, их способностью

жить и действовать в соответствии со своим представлением о долге перед Отечеством: якобы такого общества в условиях тоталитаризма по сути и быть не могло.

Каковы истоки такого весьма устойчивого стереотипного представления о советском обществе 1930-х – начала 1950-х гг., то есть сталинского периода, как обществе бесправном, безгласном, не имеющем собственного мнения, отличающегося от официально тиражируемых установок? Основной аргумент его сторонников заключается в следующем: никакое иное общество не могла сформировать атмосфера страха в стране перед властью, широко применявшей репрессивные методы.

Конечно же, это, на наш взгляд, глубокое заблуждение. Любой политический режим, даже диктаторский, не может существовать без поддержки общественного мнения. Сталинский режим тоже весьма эффективно использовал различные механизмы воздействия на сознание граждан – от пропаганды до террора, чтобы сформировать в обществе соответствующие настроения, работающие на поддержание авторитета режима. Но возникает вопрос: можно ли считать эти настроения общественным мнением?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо определиться, какой смысл мы вкладываем в само понятие «общество» и каким оно было в предвоенный и военный периоды. Общество – это сложное и масштабное понятие, разноплановое по своему содержанию в различные эпохи. В широком смысле оно представляет собой совокупность исторически сложившихся форм совместной жизнедеятельности людей – экономических, социальных, политических, духовных. В более узком смысле общество понимается как совокупность разнообразных союзов людей, организованных сознательно (государство, армия, церковь, национальность, классы и др.) или возникших стихийно (митинги, различные собрания и т.д.). Общеизвестно и определение общества как совокупности всех социальных союзов (кроме государства), по Гегелю – «гражданского общества»¹. Марксизм-ленинизм рассматривает общество как определенный тип общественно-экономической формации, общественно-классовых отношений.

Таким образом, во всех существующих толкованиях общества так или иначе просматривается, что по сути оно представляет собой совокупность различных, исторически утвердившихся объединений людей в таких сферах (областях) их жизнедеятельности, как экономическая, социальная, политическая и духовная. В связи с этим представляется необоснованной позиция тех исследователей истории советского общества, которые, ссылаясь на существовавшую при И. В. Сталине диктатуру, делают вывод о том, что в тех условиях настоящего общества по существу не было и быть не могло. Была, якобы, лишь видимость его.

В ответ на такое утверждение представляется убедительным следующий контраргумент: своеобразие явления, его непохожесть на то, что считается общепринятым и устоявшимся, отнюдь не означает отсутствия самого явления. Советское общество не было ни «молчаливым», ни абсолютно «верноподданным». Оно имело свое лицо и свой «мир мнений»². Указанные качества характеризовали общественное мнение и в предвоенные годы, и в период Великой Отечественной войны. Восприятие людьми происходивших в стране, а затем на фронте и в тылу событий, их оценка зачастую отличались от оценок в официальной пропаганде. Мнение общества не было статичным. Оно определялось жизненными перипетиями того драматического времени, уровнем политической и общей культуры, а также житейским опытом наиболее активных граждан, делающих так или иначе свое мнение достоянием гласности.

С точки зрения некоторых исследователей, понятие «общество» неправомерно сводить лишь к набору каких-то определенных организаций, тем более – к какому-то виду организаций, в том числе так или иначе относившихся к власти. Это, утверждают они, – ограниченный подход. «Гражданское общество, – считает, например, доктор философских наук Ю.А. Красин, – это, на мой взгляд, все-таки качество общества, которое проявляется целым набором факторов. Это и грамотность, и образованность, и наличие гражданской позиции, и наличие гражданской энергии»³. Думается, справедливость данного утверждения очевидна. Наличие перечисленных выше качеств у граждан, отдельных или объединившихся в те или иные общественные организации, является, несомненно, важнейшим критерием при рассмотрении вопроса о том, существует ли в стране высокоразвитое общество.

Любовь к Родине, стремление отстаивать независимость страны, не дать разорить свою землю, свой дом у россиян формировались веками. С началом Великой Отечественной войны их патриотизм усилился. Это было вызвано тем, что большинство граждан считали естественным и законным сложившийся в стране социально-политический строй, закрепленный Конституцией СССР. Были наглядны и очевидны вошедшие в быт социальные достижения: бесплатное образование, медицинское обслуживание, практически бесплатное жилье, отсутствие безработицы, уважение к людям труда, их производственным достижениям и т.п. И, что бы ни говорили сегодня, тогда народ в массе своей поддерживал государственное руководство Советского Союза. Именно в этом смысле правомерно говорить о морально-политическом единстве граждан СССР, лежавшем в основе прочного союза между фронтом и тылом, сплочения советского общества перед грозной опасностью со стороны фашистской агрессии.

В последние годы в историографии Великой Отечественной войны все более утверждается

достаточно взвешенная и аргументированная точка зрения на природу советского общества и его вклад в достижение победы над нацистской Германией и ее союзниками⁴.

Согласно этой точке зрения, в отличие от государства, гражданское общество как определенная социальная система относительно независимых и самостоятельных институтов и межличностных отношений включает семью, общественные организации, церкви, культурно-просветительные и другие объединения, «создаваемые для идентификации, выражения, согласования и защиты личностных, корпоративных, социальных запросов и интересов. Анализ документов, статистики, причинно-следственных связей позволяет говорить о характерной для Великой Отечественной войны высокой общественной активности граждан, получившей весьма многомерное выражение. Война убедительно показала, что народные массы в новых социальных условиях проявили себя решающей силой исторического процесса»⁵.

Только взвешенный, объективный подход позволяет дать убедительные ответы на многие животрепещущие вопросы, важные для становления сегодняшнего российского общества. Кто мы такие? Как и за что воевали? Какой была цена победы? В чем основа и смысл патриотизма? «К сожалению, тема войны остается все еще политизированной, с чем нельзя согласиться, – вполне обоснованно констатировала в своем выступлении на военно-исторической конференции 20 июня 2001 г. в Министерстве обороны РФ ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН доктор исторических наук Н.К. Петрова. – Разумеется, утвердившийся в постсоветские годы плюрализм дал дорогу мировоззренческому многообразию, но требуется понимание того, что это многообразие должно служить познанию истины, а не являться средством подмены ее намеренными измышлениями и фальсификациями»⁶.

Конъюнктурное освещение истории Великой Отечественной войны, обусловленное как идеологическим влиянием, так и слабой профессиональной подготовкой и нравственной неустойчивостью части исследователей, наносит ощутимый вред подлинно научной разработке ее проблем. Нас не могут удовлетворить неполные, а подчас и неточные ответы, содержащиеся в некоторых трудах послевоенных лет, на многие вопросы. Антинаучна и вредна распространявшаяся в последние годы в средствах массовой информации тенденциозная, дилетантская критика военных усилий СССР.

Как свидетельствуют документы архивов ЦК ВКП(б), ГКО, Прокуратуры СССР, имевшее место в советской историографии Великой Отечественной войны представление о тотальном монолитном сознании советских людей как признаке их морально-политического единства в военный период, привычке жить только по указке сверху не совсем верно. Простая логика подска-

зывает, что народ, «задавленный диктатурой» и лишенный самостоятельного мнения, активной жизненной позиции, не мог бы так героически сражаться на фронте за свою Родину, столь самоотверженно относиться к работе в тылу, как это делали советские люди.

В эмигрантском журнале «Новый путь», редактировавшемся бывшим русским меньшевиком Ф.И. Даном, который не питал симпатий к советскому строю, 7 октября 1942 г. в статье «Чудо Сталинграда» говорилось: «Ничего нельзя понять в этом чуде, если закрыть глаза на тот факт, что при всех своих падениях, срывах, ошибках и даже преступлениях революция, начавшаяся четверть века назад, вошла в плоть и кровь народных масс. Что при всех невзгодах, лишениях, страданиях... она дала им какие-то достижения и, быть может, еще больше – какие-то надежды, за которые массы держатся всеми фибрами души, которые в их глазах перевешивают все темные и тяжелые стороны ее, за которые они хотят идти на нечеловеческие муки, сражаться и умирать. Революция дала патриотизму народов Советского Союза новую великую идею – идею социального освобождения».

Чтобы понять истоки духовной стойкости советского народа в период военного лихолетья, как фронтовиков, так и тружеников тыла, не заглядывая в глубь веков, обратимся к более близкому периоду – «заглянем» в 1930-е годы. В этой связи трудно не согласиться с известным российским историком В.А. Анфиловым, который в «Литературной газете» за 22 марта 1989 г. писал: «...Прежде нужно постараться понять простую истину: ход войны от ее трагедии до триумфа есть логическое следствие предвоенного состояния общества». Советское общество накануне войны представляло собой удивительную, поистине небывалую картину и в социальном, и в демографическом плане. Как социальная организация оно формировалось под руководством возглавлявшей социалистическое строительство ВКП(б) – Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Ее деятельность определялась марксистско-ленинской идеологией.

Кардинальные политические и социально-экономические сдвиги, осуществленные в стране после 1917 г., затронули практически все сферы народной жизни. К 1936 г. была завершена начавшаяся со времени Октябрьской революции 1917 г. ликвидация частной собственности. В процессе революционных преобразований сложилось новое общество, основу которого составляли рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовая интеллигенция. Буржуазия, помещики, зажиточные крестьяне, использовавшие наемный труд, исчезли с политической арены. Все население страны работало на государство.

В конце 1930-х гг. в выступлениях руководителей партии и правительства впервые прозвучал вывод об укреплении морально-политического единства советского общества. В частности, И.В. Сталин заявлял по этому поводу:

«В области общественно-политического развития страны наиболее важным завоеванием за отчетный период нужно признать окончательную ликвидацию остатков эксплуататорских классов, сплочение рабочих, крестьян и интеллигенции в один общий трудовой фронт, укрепление морально-политического единства советского общества народов нашей страны, укрепление дружбы и, как результат всего этого, – полную демократизацию политической жизни страны...»⁷.

Как известно, строительство социализма в СССР представляло собой сложный и зачастую противоречивый процесс. На этом пути было все: и несомненные успехи, и труднопреодолимые препятствия. Естественно, и процесс формирования морально-политического единства советского общества тоже складывался весьма сложно, подчас противоречиво. Следует признать, что изучен он еще недостаточно. В отечественной исторической литературе его зачастую освещали слишком упрощенно. «Дело представлялось так, будто морально-политическое единство народа как бы автоматически следует из факта ликвидации в нашей стране к середине 30-х годов кулачества в деревне и остатков нэпманской буржуазии в городе»⁸. Между тем это – отнюдь не единственный, хотя и важнейший, фактор.

Многое в достижении данной исторической, а с учетом неотвратимо надвигавшейся большой войны, поистине судьбоносной цели зависело и от того, насколько последовательно, обеспечивая единство провозглашаемых идей и практических действий, партийно-государственное руководство страны решало идейно-политические, социально-экономические, национально-государственные и духовно-культурные задачи. Ведь характер и реальное содержание процессов на каждом из этих направлений затрагивало интересы миллионов граждан, непосредственно влияло на формирование их взглядов, настроений и поведения.

Мировоззрение людей, живших в годы социалистического строительства, несомненно, формировала главным образом обстановка самоотверженного созидательного труда. Советские граждане в своем подавляющем большинстве чувствовали себя участниками великого дела, надеялись на светлое будущее. Во имя его они и работали с энтузиазмом, стойко переносили трудности и лишения, стремясь в кратчайший срок вывести страну на качественно новый экономический уровень. Ими высоко ценились очевидные успехи в экономике, социальной области, достигнутые страной до начала 1940-х гг.

Они были уверены в завтрашнем дне. Основой такой уверенности являлись закрепленные в принятой в декабре 1936 г. новой Конституции СССР права и свободы. Особое значение в жизни каждого советского человека имели право на труд и гарантированный отдых, бесплатное образование и медицинскую помощь,

улучшение жилищных условий, доступ к науке и культуре и т.д. Невысокий по сравнению с западными странами уровень жизни официальной пропагандой объяснялся вполне убедительно: народ совершил в отсталой стране революцию, ликвидировал эксплуататоров, отразил натиск интервентов, создал современную индустрию. Нарастающая угроза войны обусловила проведение широкомасштабных мер по укреплению обороноспособности государства. Все это требовало больших усилий и затрат, направленных в конечном счете на достижение светлой цели – создание общества социальной справедливости.

Гражданам импонировало, что во всех звеньях государственного, партийного, хозяйственного, военного аппарата преобладали представители трудовых слоев, которые получили реальную возможность «выйти в люди» – стать профессорами и доцентами, артистами и писателями, офицерами и генералами, инженерами и руководителями предприятий, государственными и партийными деятелями. Положительно воспринималось и отсутствие явной безработицы, всемерно демонстрировавшееся уважение к людям труда, к их производственным достижениям, почет ударникам и стахановцам.

Таким образом, поддержка народом советского строя обуславливалась вполне реальной идеологической и социально-экономической базой. Большинство рабочих, крестьян и интеллигенции были убеждены в том, что они живут и работают при самом справедливом строе. «Люди верили, что строят на земле рай. Они были готовы на все. Жертвовали любой жизнью и в том числе – своей собственной»⁹. Это в первую очередь и определяло морально-политическое состояние подавляющего большинства граждан, в том числе личного состава Вооруженных Сил.

В государстве сформировалась жестко организованная структура управления. Характерными ее чертами являлись строгая централизация распоряжений и указаний, их безусловное («любой ценой») выполнение, подчинение аппарата исполнителей его руководителю. Это в той или иной степени распространялось и на деятельность массовых общественных организаций, которых в стране насчитывалось около трехсот: профсоюзы, комсомол, кооперативные объединения, женские организации, оборонно-спортивные и научно-технические общества, общества социальной помощи, творческие и культурно-просветительные союзы. Они объединяли десятки миллионов людей, которые в едином большинстве активное участие в деятельности данных организаций и союзов рассматривали как конкретный личный вклад в решение задач, стоящих перед обществом и государством.

Граждане СССР в основной своей массе оказывали доверие советскому руководству во главе с И.В. Сталиным. Они поддерживали реализуемые меры по укреплению экономического и оборонного могущества страны, пусть

даже за счет «затягивания поясов». Несмотря на «успокоительную» пропаганду в период с августа 1939 г. (после подписания с Германией пакта о ненападении) до начала агрессии (за неделю до нее, 14 июня, в сообщении ТАСС утверждалось, что «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы»), население в своем большинстве понимало, что война приближается. Оно верило в неиссякаемые силы страны и непобедимость Красной Армии. Эта вера подкреплялась активно тиражировавшимися вплоть до начала войны пропагандистскими стереотипами (война «малой кровью», война «на чужой территории», «несокрушимость РККА» и т.п.). Их навязывание нанесло серьезный ущерб духовной подготовке всех классов и социальных групп, наций и народностей к предстоящим военным испытаниям.

На протяжении почти двух десятилетий в основе воспитания советских людей было марксистско-ленинское положение о пролетарском интернационализме. Лейтмотивом в системе образования, в работе общественных организаций, средств массовой информации была идея о неизбежности победы социализма во всем мире, подчеркивалось, что СССР является оплотом трудящихся всех стран в их борьбе против эксплуататоров. Это глубоко проникло в сознание масс, и готовность выступить в защиту угнетенных народов была достаточно прочной. Идеи освобождения, установления равенства и братства людей труда упали на благодатную почву – вера в историческую миссию России, призванной приносить благо другим народам, была традиционно сильной.

Возможность и эффективность сочетания национальных и интернациональных интересов убедительно показали испанские события 1936 – 1939 гг. СССР помогал республиканской Испании бороться против итало-германской агрессии, укрепляя тем самым собственную безопасность. Но одновременно эта поддержка порождала надежды на социалистические преобразования на Пиренеях. Как решение двудеиной задачи: укрепление СССР и освобождение трудящихся от капиталистического гнета рассматривались:

- и события в районе Халхин-Гола;
- и воссоединение Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии с советскими республиками;
- и вхождение Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР.

В тесной связи с этим находилось и такое направление идеологической работы, как формирование в общественном сознании веры в предопределенность победы СССР над любым агрессором, поскольку народные массы капиталистических государств в случае войны немедленно перейдут на сторону страны социализма. Эта ложная, надуманная установка порождала неоправданные надежды на легкую победу, фор-

мировала шапкозакидательское настроение не только среди гражданского населения, но и, что было особенно вредно, среди военнослужащих. В мае 1940 г. и в январе 1941 г. Главное управление политической пропаганды Красной Армии в своих докладах в ЦК ВКП (б) о состоянии военной пропаганды среди населения предлагало воспитывать «нашу армию... на ее героических традициях и на героическом прошлом русского народа»¹⁰.

Руководство СССР в обстановке неотвратимо надвигавшейся военной угрозы осознавало необходимость консолидации всех наций и народностей, рабочих, крестьян и различных социальных групп, уточнения соотношения между национальными и интернациональными основами патриотизма. Так, незадолго до войны И.В. Сталин в беседе с генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитровым разъяснял: «Нужно развивать идеи сочетания здорового, правильно понятого национализма с пролетарским интернационализмом... Между правильно понятым национализмом и пролетарским интернационализмом нет и не может быть противоречия. Безродный космополитизм, отрицающий национальные чувства, идею родины, не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом...»¹¹.

Со второй половины 1930-х гг. главными в идеологической работе стали воспитание патриотизма, пропаганда понятия Родины как Отечества, объединяющего граждан страны. Ядром Родины была Русь, сплотившая, как потом, в годы войны, будет записано в государственном гимне, все народы в нерушимый союз. Всесерно культивировалась мысль об их исконной дружбе, необходимости совместной борьбы против иноземных захватчиков.

К началу Великой Отечественной войны Советский Союз представлял собой огромную индустриально-аграрную державу, где на территории, составлявшей шестую часть земной суши, проживало более 100 наций и народностей общей численностью 190,7 млн. человек. Существовавший строй объединял интересы всех народов СССР. Достижения союзных и автономных республик, входивших в состав Союза, хотя и различные, во многом неравноценные, воспринимались большинством граждан СССР как преимущество социалистического строя. Важным слагаемым характерного для того времени «чувства семьи единой» была бескорыстная помощь русского народа другим народам страны. Перед войной Российская Федерация (РСФСР) с населением 110 млн. человек занимала две трети территории СССР, где проживало свыше 100 народов и народностей¹².

За годы Советской власти многие народы России, ранее значительно отстававшие от русских по уровню экономического развития и образования, сократили этот разрыв. Узбеки и казахи, татары и чуваша, многие другие народы обрели свою государственность, создали

свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и т.д. Так, Башкирия до революции не имела ни одного высшего учебного заведения. В 1939 г. здесь было уже 4 вуза, 60 техникумов, 4 рабфака. В Татарии до революции был только один Казанский университет, в 1938 г. – 54 вуза и 23 тыс. студентов. Если в царской России в 1914 г. действовало 72 вуза с 86 тыс. студентов, то в 1941 г. – 481 вуз с 478 тыс. студентов. Количество газет на всех языках возросло с 35 до 437¹³.

Действенным воспитательным фактором, который основная масса советских людей считала привилегией своего государства и личным достоянием, была гордость за Красную Армию – «сильнейшую и непобедимую». Широкая общественность не знала и не могла знать, что в армии далеко не все обстоит благополучно. Между тем, перечень тогдашних «болевых точек» армейского организма был весьма внушителен:

- незавершенность формирования и реорганизации;
- низкая укомплектованность войск командным составом и его слабая профессиональная подготовленность;
- недостаточная выучка личного состава подразделений и частей;
- далекая от требуемой слаженность штабов;
- отсутствие надежных средств связи, ремонта и эвакуации, транспорта для доставки горючего;
- острый дефицит новой боевой техники, инженерного вооружения;
- неподготовленность театра военных действий;
- и, что особенно прискорбно, спад воинской дисциплины.

Несмотря ни на что, военная служба, согласно Конституции 1936 г., являлась «почетной обязанностью каждого гражданина СССР» и была таковой в жизни. Еще до «большой войны» участники боев в Испании, у озера Хасан, на реке Халхин-Гол, в финской кампании пользовались уважением в обществе, особенно среди молодого поколения, а награжденные, к примеру, медалью «За отвагу», становились едва ли не национальными героями. После нападения нацистской Германии это отношение к Красной Армии стало основой сплочения армии и народа.

С приходом в 1933 г. к власти в Германии нацистской партии во главе с Адольфом Гитлером ВКП (б) развернула непримиримую идеологическую борьбу с фашизмом, отождествляя его с агрессией и войной, разоблачая человеконенавистническую идеологию и захватническую политику. «Когда в Европе оформился зрелый фашизм, его смысл был достаточно ясен для всех. Вальтер Шуберт в известной книге «Европа и душа Востока» писал: «Смысл немецкого фашизма заключается во враждебном противопоставлении Запада и Востока... Когда Гитлер в своих речах, особенно ясно в своей речи в рейхстаге

20 февраля 1938 г., заявляет, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением Советского Союза, он ясно показывает, как глубоко ощущается на немецкой почве противопоставление Востоку – как судьбоносная проблема Европы»¹⁴.

В сознании советских людей фашизм в концентрированном виде олицетворял злейшего классового врага. Становилось все более очевидным, что этот враг, германский нацизм, вынашивает агрессивные планы, в первую очередь против СССР. Поэтому наряду с активной подготовкой к вооруженному отпору фашизму было жизненно необходимо наращивать пропагандистскую работу по разоблачению германского агрессора. Однако вместо этого руководство СССР, подписав с нацистской Германией 23 августа 1939 г. вполне объяснимый пакт о ненападении, вдруг резко прекратило антифашистскую пропаганду, более того – стало оправдывать войну Германии против западных держав.

Недоумение советских людей и прогрессивной международной общественности еще более усилилось после заключения 28 сентября того же года советско-германского договора о «дружбе и границе». Действительно, нелегко было понять, как можно строить «дружественные отношения» с германскими нацистами, начавшими войну с целью захвата и порабощения других народов. Подобная труднообъяснимая политическая и идеологическая переориентация сбивала с толку людей, деформировала классовые установки в общественном и индивидуальном сознании.

Такая внешняя политика отнюдь не способствовала морально-политической подготовке народа к отпору назревавшей фашистской агрессии. Однако антифашистское сознание советских людей, сформированное в предыдущие годы, было настолько укоренившимся, что его не смогли поколебать зигзаги внешней политики руководства страны и резкие пропагандистские повороты. Народ не питал иллюзий, предчувствуя, что война с германским фашизмом приближается, и готовился к ней. Важную роль в этом играли общественные организации.

Система общественных организаций, их деятельность развивались отнюдь не по прямой линии. Атмосфера сложившегося в стране культа личности И.В. Сталина, господство в обществе командно-административной системы давали о себе знать и здесь. Существенно ограничивалась самостоятельность общественных организаций, сковывалась их инициатива, искажались природа и роль в жизни страны. Серьезный ущерб их руководящим кадрам, активу наносили репрессии.

Несмотря ни на что, размах массовой оборонной работы, проводимой общественными организациями, безусловно, не мог не сказаться благотворно на подготовке молодежи к службе в Вооруженных Силах СССР. В предвоенные годы армия и флот приняли пополнение, значительная часть которого прошла определенную военно-техническую подготовку.

Привлечение широких слоев населения к массовой оборонной работе, занятиям военно-прикладными видами спорта сыграло большую роль в укреплении обороноспособности в предвоенные годы. Советские люди тесно связывали цели этой работы с задачами защиты СССР от посягательств со стороны агрессивных сил империализма. В этом коренились истоки высокого патриотического отношения трудящихся к изучению военного дела, подготовке к службе в Красной Армии. «Мы были предвоенным поколением, мы знали, что нам предстоит война, – писал К.М. Симонов в своих воспоминаниях. – Мы знали, что находимся в капиталистическом окружении, так и было на самом деле»¹⁵.

Более того, в этот тревожный, предгрозово-ый период ужесточение политического режима большинством народа воспринималось как вполне закономерная тенденция. Размышляя над этим феноменом общественного сознания, доктор исторических наук, профессор В.Н. Данилов пришел к следующему выводу: «Здесь можно согласиться с академиком Ю.А. Поляковым, который считает, что в народном сознании переплетались осуждение режима с иллюзорной идеей, вынужденности репрессий для укрепления державы, понимание усиливающегося расхождения между словом и делом с убежденностью в правоте и реальности социалистических идеалов. Второе русло было главным»¹⁶.

Подготовка к отражению возможной агрессии осуществлялась в условиях воздействия на этот процесс всей политической системы государства, которая накануне войны представляла собой комплекс государственных и общественных организаций, руководимых ВКП(б). В качестве основных институтов этой системы выступали Советское государство, Коммунистическая партия, профсоюзы, комсомол и другие общественные организации. «Функционирование институтов политической системы налагало глубокий отпечаток на состояние советского общества, на протекание в нем процессов национально-государственного развития, на решение социально-экономических, политических и оборонных задач. Существовала и обратная связь. Под влиянием общественных процессов менялись средства, формы и методы воздействия тех или иных элементов политической системы на общество»¹⁷.

В годы начавшейся войны советское общество адекватно и остро реагировало на меняющуюся фронтовую ситуацию. Каждый период войны имел особую морально-психологическую доминанту. Судя по воспоминаниям людей, переживших Великую Отечественную войну, в тот ошеломивший всех день, 22 июня 1941 г., мало кто из граждан СССР ожидал, что удар агрессора будет таким мощным. Для большинства советских граждан, любивших свою армию и безоглядно веривших в ее непобедимость, столь трагическое для нашей страны развитие событий на советско-германском фронте стало

тяжелой неожиданностью. Это переживание убедительно описано, например, в воспоминаниях К.Ф. Телегина, работника Управления политпропаганды пограничных войск СССР: «...В первый день войны мы с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и отброшен назад. Такое настроение не проходило еще несколько дней, пока не проявилась обстановка и не стала очевидной опасность совершенных врагом глубоких прорывов. Скучные, а порой и путаные вести с границы были столь неутешительными, что горький смысл их воспринимался с большим трудом»¹⁸.

Только 3 июля народу была сообщена страшная правда о положении на фронте: было передано по радио и опубликовано в газетах выступление И.В. Сталина, который признал огромные территориальные утраты нашей страны. Он прямо заявил о нависшей над Родиной серьезной опасности: «Дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР... Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск»¹⁹. Выступление вождя, открывшего правду о трагическом положении на фронте, положило конец всем иллюзиям предвоенного времени, обусловило быстрый переход, по сути перелом, в настроении народа с мирного на военный лад.

У людей углубилось чувство тревоги, на их плечи легла непомерная тяжесть ответственности за судьбу Отечества. Ошеломляющие вести с фронта порождали недоуменные вопросы: о причинах отступления Красной Армии, о том, куда делись наши танки и самолеты, почему боевые действия ведутся на советской, а не на вражеской территории, как было обещано накануне войны, и т.д. «Шли первые недели войны, а под Львовом красноармейцы нашего восьмого мехкорпуса, – пишет в своем письме один из участников боев лета 1941 года, – спрашивали у комиссара Попеля: «Как там чувствует себя немецкий рабочий класс? Не поднял ли он восстание против Гитлера?»²⁰.

В ЦК ВКП(б), на имя Сталина, в редакции газет поступали письма от фронтовиков, которые описывали удручающие картины отступления наших войск. Авторы давали различные объяснения этим поражениям: от чьих-то конкретных упущений, вызванных отсутствием опыта и низким профессионализмом, до предположений о предательстве командования. «Народ на фронте дерется хорошо. Но одного героизма мало... Надо централизовать руководство, и тогда победа будет обеспечена», – говорится в одном из писем с фронта²¹.

Настроения первых тяжелейших военных недель показали, что советское общество периода Великой Отечественной войны обладало собственным, не всегда совпадавшим с офици-

альными установками и оценками, мнением, несмотря на жесткий контроль со стороны государства, фактическую ликвидацию конституционных прав и свобод.

После серии тяжелых поражений Красной Армии летом и осенью 1941 г. моральный дух части населения страны, личного состава Красной Армии заметно снизился. В докладных записках тыловых обкомов партии в Центральный Комитет ВКП(б) сообщалось о многочисленных фактах «нездоровых явлений», о безразличии некоторой части населения к происходящему в стране, о высказываемых сомнениях в правильности действий политического и военного руководства государства. В Секретариат ЦК ВКП(б) приходили письма, жалобы и предложения от населения, в которых сообщалось о проблемах и недостатках в работе партийных и государственных органов на местах, о тяжелой жизни и быте трудящихся, о положении раненых в госпиталях, инвалидов войны, семей фронтовиков, воспитанников детских домов. Поступала информация о злоупотреблениях, чинимых отдельными руководителями на местах. Реакция центра была жесткой и неотвратимой. Так, первое постановление Секретариата ЦК, касавшееся деятельности местной партийной организации, вышло 17 сентября 1941 г. и называлось «О фактах плохой организации торговли продовольственными товарами на некоторых фабриках Ивановской области»²². В нем Ивановский обком партии и его первый секретарь Пальцев были подвергнуты жесткой критике.

Однако «буквально через месяц, в октябре 1941 г. по текстильным фабрикам города Иваново и области прокатилась мощная волна забастовок рабочих и работниц. И это происходило на родине первых Советов»²³. Своими забастовками, происходившими в момент, когда враг стоял под Москвой, работники Ивановских фабрик не только протестовали против пренебрежительного отношения властей к их быту, но и выражали недоверие к политике руководства государства, поставившего страну на грань катастрофы. Этот пример – лишь одно из многих свидетельств того, насколько близко к сердцу трудящиеся принимали сложившуюся для их Отечества трагическую ситуацию, реальную угрозу завоеваниям революции, судьбе подрастающих поколений.

Бесспорны, к сожалению, также явления и факты, свидетельствовавшие об антипатриотичном отношении к войне, своему гражданскому долгу. Немало встречалось граждан СССР, которые всячески ловчили, стремясь избежать отправки на фронт, отсидеться в тылу, а если, вопреки желанию, они все-таки вынуждены были надеть военную форму, то при первой же возможности дезертировали. Такие настроения среди военнослужащих действующей армии усугублялись тем, что немецкое командование, используя свои спецслужбы и пропагандистский аппарат, вело постоянную работу по

разложению наших войск. «В боевые порядки забрасывалось большое количество листовок, организовывались направленные радиопередачи. Путем дезинформации и клеветы немцы пытались вселить сомнение в победу Красной Армии, восхваляли «новый порядок», установленный на оккупированной территории. наших военнослужащих склоняли к сдаче в плен. К сожалению, имели место случаи, когда отдельные солдаты, особенно из числа тех, чьи семьи находились на оккупированной территории, под воздействием вражеской пропаганды переходили на сторону немцев»²⁴.

К счастью, не эта категория граждан определяла судьбу Отечества. У преобладающей части населения Советского Союза сомнений не было: борьба против агрессора – дело справедливое, святое, ему надо отдать все силы, а, если потребуются, то и саму жизнь, но во что бы то ни стало добиться победы. Это и являлось доминантой общественного мнения, получившей адекватное отражение в лозунге «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!». Воодушевляемые этим оптимистическим призывом, вооруженные защитники Отечества, труженики тыла постепенно укреплялись в своей вере в победу над врагом, проявляли огромную силу духа, высокие нравственные качества, истари присущие народам нашего Отечества. Совершенные героические деяния на фронте и в тылу были подвигами во имя Отчизны, подвигами героев-патриотов, вошедшими в историю Великой Отечественной войны.

Главная особенность настроений военного времени у подавляющего большинства граждан СССР – сочетание глубокого патриотизма и ненависти к агрессорам. Волна его до самого конца войны нарастала под воздействием целенаправленной агитационно-пропагандистской работы партийных комитетов и организаций, профсоюзов и комсомола, сообщений печати и радио о беспощадной жестокости оккупантов, насаждавших массовый, ничем не ограниченный террор. Именно здесь находился источник того невиданного массового героизма, который стал решающей движущей силой в войне, важнейшим фактором будущей победы в ней. Но до нее еще было так далеко.

Paderin A.A. Soviet Society Before and After June 22, 1941.

Summary: Article is devoted the analysis of a condition of the Soviet society of eve of the Great Patriotic War and its beginning. The author on the basis of a significant amount of documentary sources, and also on a modern historiography of war, shows how the Soviet society was formed in days of socialist building how it has met the begun war. From first days of a wartime the combination of deep patriotism and hatred to aggressors was the main feature of moods of the overwhelming majority of citizens of the USSR irrespective of a nationality, creed and political views.

Ключевые слова

советское общество, факторы формирования общественного мнения, реакция на агрессию нацистской Германии.

Keywords

the Soviet society, factors of formation of public opinion, reaction to aggression of nazi Germany.

Примечания

1. Гегель Г. Соч. М., 1934. Т. 7. – С. 223; Российский энциклопедический словарь. М.: «Большая российская энциклопедия», 2000. С. 390.
2. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945 – 1953. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 223; Армия и общество. 1900 – 1941 гг. Статьи, документы. М., 1999. С. 14.
3. Общественный контроль национальной политики безопасности. Материалы «круглого стола». – М.: Научный эксперт, 2007. С. 165.
4. См., в частности: Великая Отечественная война. 1941 – 1945. Военно - исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М.: Наука, 1999; Государство и общество в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945). – М.: ИВИ МО РФ. – 2002; Мировые войны XX века. В 4 книгах. М., 2002. Книга 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 453 – 468; Война и общество. 1941 – 1945 гг. В 2 книгах. М., 2004; Социология Великой Победы. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2005. С. 254 – 307. Война и общество в XX веке. В трех кн / Ин-т всеобщей истории РАН. -М.: Наука. Кн. 2: Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. С. 189 – 239. Социология Великой Победы. С. 254.
5. 60 лет со дня начала Великой Отечественной войны. Военно-историческая конференция. Специальный выпуск: приложение к «Военно-историческому журналу». 2001. №2. С. 72.
6. XVIII съезд ВКП (б): Стенографический отчет. М., 1939. С. 16.
7. Курицын В.М. Выступление на встрече историков, философов, деятелей культуры // 30-е годы: взгляд из сегодня. М.: Наука, 1990. С. 89.
8. Кожин В. Пятый пункт: Межнациональные противоречия в России (Русская правда). М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 82.
9. Известия ЦК КПСС. 1990, № 3. С. 198 – 201; № 5. С. 191 – 192.
10. Вопросы истории, 2000. № 7. С. 42.
11. Мировые войны XX века. В 4 книгах. М., 2002. Книга 3. Вторая мировая война: исторический очерк. С. 455.
12. Мировые войны XX века. С. 455.
13. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. С. 549.
14. Знамя. 1968. №3. С.36.
15. Данилов В.Н. Великая Отечественная война в российской истории // Страницы Великой Отечественной... (К 60-летию Победы). Доклады Академии военных наук, № 3 (15). Военная история. – Саратов, 2005. С. 13; См.: Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 184.
16. Советский Союз: накануне великих испытаний. Монография. Изд-во ГУП «Клиновская городская типография», 2004. С. 360.
17. Цит. по: 30-е годы: взгляд из сегодня. М.: Наука, 1990. С. 163.
18. Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1949. С. 23. 27 – 28.
19. Самсонов А.М. Знать и помнить. Диалог историка с читателями. М., 1989. С. 80.
20. Цит. по: 30-е годы: взгляд из сегодня. С. 169.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 116. Л. 3.
22. Черепанов В.В. Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М.: Издательство «Известия», 2006. С. 395.
23. Прокофьев В.И. Александр Сахаровский. Начальник внешней разведки. – М.: Яуза, Эксмо, 2005 (Незримый фронт). С. 39 – 40.